

**Александр Петров**

# **Обратный счёт**

Челябинск  
Цицеро  
2007

УДК821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)  
ПЗ1

**ПЗ1 Петров А. П.** Обратный счёт. Стихотворения. Челябинск : Цицеро, 2007. — 111 с.

УДК821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)

© Петров А. П. 2007 г.

**2007**

---



Не трепыхайся.  
Не назло судьбе, а вопреки  
фатальному теченью форм и масс  
пересекаешь мыслью скрип (как снежный скрип)  
строки,  
в которой нервно, очевидно скрыт Миасс.  
Не расплатиться тенью плотности стиха  
за выжженный любовью угол, склеп.  
Душа черствеет от насилия греха.  
Живу без покаянья, глух и слеп.  
Приговорён к позорному столбу,  
уходят силы, иссякает гнев,  
но не замрёт назло судьбе слеза на лбу.  
Тупую боль, как сон, преодолев,  
держи удар, иного не надо,  
не разрушай иллюзию свобод.  
Как будто есть внутри второе дно,  
второе «я», мой сокровенный плод.



*Переводя себя с неведомо какого,  
смеюсь, рыдаю, зайчики ловлю.*

Раскрой себя на ... и начни со второго.  
Грач — не пара, — зудит, — соловью.  
Время морщится. Пылью соломы  
покрываются купола.  
Продуваю свои кингстоны —  
переводы слова зола

*С дождём заигрывая звёздным еженощно,  
плачу за чудо рыночным стеклом.*

Витражи-зеркала, возводимы построчно,  
прописным отдают ремеслом.  
Чтоб ни крапинки на амальгаме,  
ни зазубринки на краю.  
Очарованный облаками,  
на снежинки себя краю.

*Кружатся над землёй нечитанные души,  
поэтом знаки подают немым.*

Переводи на птичий грай, не бей баклуши!  
Но, скованы дыханьем ледяным,  
молчат блаженные, не выходя из транса.  
Поют в уютных клетках соловьи.  
Лавиною косноязычье в массы  
с любых страниц всеядных СМИ.



То ли вольная вода с ледяною крошкой,  
то ли под тугим зонтом босиком без неба  
по российским северам с клюквой и морошкой,  
по элитным поездам без бластного стеба.

Чую, ждёт меня возня где-то между.

Между

бытом-топью, рюкзаком, чудаками в дебрях,  
музой в лунном серебре, скатертью-надеждой,  
опрокинутым в траву стариком в отрепьях,  
не случайным рандеву в электричке дальней,  
городским романом до снадобья в стакане,  
странной гостьей, маяком, качкой пятибалльной,  
жёстким бубликом в саду без рубля в кармане.



Банальность обозримого проста,  
как фазы лун, отливы и приливы.  
Экватор разведённого моста,  
столицы северной щемящие мотивы.

Стекает небо к нам по куполам,  
минуя колокольный сон и трепет,  
деля каналом утро пополам  
на тень мою и твой влюблённый лепет.

Роятся мысли, кровь стучит в висках,  
немая боль в тумане растворится,  
сведут мосты. На алых парусах  
мелькнёт растерянно седая птица.



✱   ✱  
✱

Я выберу тебя,  
как выбирают глину.  
Уснувшие во тьме  
не ищут будней нить.  
Задрапирован путь,  
я небо опрокину  
на колесницы скрип.  
Богам не оценить  
изюминки на дне  
бесформенного срама.  
Глоток воды подчас  
стократ хмельней вина.  
Я вылеплю тебя  
на зависть жрицам храма.  
Доверчивей, чем воск,  
теки в объятя сна.



Не уходи, не вынимай занозу.  
Я свыкся с болью, с нею мой язык  
воспринимает мир не как угрозу,  
а как отдельно взятый материк,  
в котором всё не слаще, но иначе,  
который — лето в зимний гололёд,  
который на мгновения богаче  
и до него один случайный взлёт.  
Мне в лотереях не везёт, я не играю,  
очередной просчитываю ход.  
Ни скомороху и ни попугаю  
не угадать в мир тайный поворот.  
Летит судьбы экранная дорога.  
Педадь, баранка, тихий шелест шин.  
Смиренно ждёт меня подруга бога,  
у верной Магдалины сто личин.  
Но волосы её не пахнут дымом,  
я в энный раз обманом удручён.  
Вернусь назад и в мареве полынном  
найду тебя невиннейшей из жён.



По небу шарю, словно кто-то ждёт,  
чтоб я нашёл крыла обломок, перья,  
и понял наугад: кто не живёт  
во мне — ушёл от тени недоверья.  
Не знаю, кто из нас двоих не прав.  
Качнутся облака и без фантазий  
приму, что, никого не обокрав,  
себя я обделяю раз за разом.  
Такой вот, между прочим, диалог.  
Плыву, два берега буравят спину,  
а кто-то третий так шлифует слог —  
гончар нежнее разминает глину.  
Мою нейтраль без повода клюют,  
но ни о ком и никому ни звука.  
От опекуинства, скажем, неуют,  
без них — покой и ангельская скука.  
Срезая тихо шелест берегов,  
я к облаку лечу бумажным змеем  
и собираю бисеринки слов,  
и от щедрот душа моя немеет.



Не гони. «Ниоткуда» не падает с неба.  
Из воронки, из точки-тире  
появляется боль, если в боли той скрыта потреба,  
и течёт от дыры к дыре.  
Так рождается плоть. Калибровка зачатья.  
Безотказное сито души.  
«Ниоткуда» — о тех, возвеличенных до исчадья  
микроада иль маленькой лжи.  
Как подарок двупольный, легко семенящий по саду,  
недозревший по сути каприз,  
выбирающий между неявными раем и адом,  
акт, играемый нами на бис.  
Без ужимок, пльви, адаптация — скрытый диагноз.  
Семицветье дуги. Бубенцы —  
это нам, это — нас. Управляемый минихаос.  
Обезличенных душ леденцы.  
В безвоздушном «нигде» — ни огня и ни звука,  
и ни запаха биосреды.  
Но отыщет меня «никому» изменившая сука,  
эта боль накануне беды.



Этот сон прозреет мной  
осторожными губами  
и грядущей сединой  
и чужими облаками  
в белокаменной реке  
валуны за валунами  
по откинутой руке  
осторожными губами  
выйдут сдерживая стон  
непросохшие песчинки  
отрезают путь к ложбинке  
той в которой этот сон

**2006**





Мой старый пёс скулит в прихожей.  
У добрых нет обид на мир.  
Чужое прошлое итожу,  
читаю ЖЗЛ, как миф.

Длиннее, что ли, стали зимы  
иль больше хочется тепла?  
У дочерей свои причины,  
свои житейские дела.

Глазами пью пейзаж за домом  
без аппетита (спитый чай),  
где ни одной души знакомой.  
И разливается печаль.

Оглохший пёс на запах своры  
летит, антенной куцый хвост,  
но будет изгнан он с позором  
и дозой кровяных корост.

Сквозь серость дня — в многоголосье  
рвану по памятным местам,  
где зрели доброты колосья,  
тянулись к отчим небесам.

И может быть, утихнут раны,  
метель взовьётся и умчит,  
забыв мои меридианы.  
Во сне беззлобно пёс ворчит.



\* \*

\*

Декабрист не цветёт, а декабрь на исходе.  
Копошится души безголосая тень,  
как бродяга в подземном ночном переходе.  
О любви — ни гу-гу, ты живая мишень.

Рождество на носу, хвойный запах в квартире.  
Огоньки от гирлянд злобно скачут в глазах.  
Окружающий мир сжат до прорези в тире,  
и ползёт по ногам тело ужаса в пах.

Канонада в мозгу, тишина в перепонки,  
плотный воздух, удушье и слёзы ручьём.  
То ли стон, то ли вой потрясённой душонки.  
Чья-то тень безымянная в небе ночном.



От простуды до аборта  
жизофон худых стаканов,  
память вафельного торта  
на губах у истуканов.

Сложной формуле этила  
доверяет голос крови.  
У сражённого Ахилла  
в диалоге только брови.

Мыслям тесно в атрибутах,  
душно в двух квадратных метрах,  
где сидят на табуретах,  
как паяцы на котурнах,

полубоги-менестрели,  
страстью выжжены до звона.  
Перепили перепели.  
Души их не знают стона.



От женщины — тоска  
по женщине у моря,  
чьи раковины ждут  
прикосновенья рук,  
их перламутр губ  
хранит букет историй,  
и времени не счесть  
минут блаженных мук.

Песок с пологих дюн —  
воронка в оба края  
бездонна, не ищи  
сосуда для тоски.  
Бесценны жемчуга,  
русалок кровь густая,  
и прячут створки клад  
среди водрослей морских.

Не жажда губит нас,  
не призрак мимолётный.  
Зов крови посильней  
воркующих менад.  
Гипноз любви, тиски  
кикиморы болотной.  
От женщины — тоска,  
но нет пути назад.

*Брату Николаю*



День за днём — в колею, в суету, в перебранки.  
Жизнь — работа, и в ней места нет для нитья.  
А снега как снега, отдохну за баранкой.  
За петлёю петля — серпантин бытия.

Мир вокруг мельтешит: где-то боль, где-то радость.  
Параллельно летят лица близких друзей.  
На крутом вираже тихо сделаю старость,  
без неё марафон ей-же-ей веселей.

По газам и вперёд. Юбилей — перекрёсток,  
миновал и опять трасса радует глаз.  
Не бывает судьбы без потерь, всё не просто.  
Но какой ни была, всё же жизнь удалась.

Скоро минет зима, сад потребует силы.  
Только б детям жилось, да крепилась бы мать,  
да жене не болеть, да машина катила,  
да сердечко не жгло — век бы жить-поживать.



Издадека, не замечай каприза,  
входи в оплавленную временем купель.  
Порханьем мотылька дыханье бриза  
мазком-другим — в ночную акварель.  
Припухшая луна затмит собою  
все звёзды неба, только не тебя.  
Ступай, касаясь вечности рукою,  
свечением своим безмолвье для.  
Гармонией подлунного сознания,  
души, природы, жизни, бытия —  
ты, Женщина, и выше нет призванья.  
А я — твоё капризное дитя.

\* \*  
\*

Душе уже не хочется в постель  
и никуда не хочется, но надо.  
Бог остановит эту карусель,  
когда в крови не обнаружит яда,  
когда грехи — как зло — отпустит мир,  
пока от бед хранит молчанье зала,  
и эта жизнь, затёртая до дыр,  
бестселлером не стала.





Мороз за ворот лезет, донимая,  
и обжигает лёгкие — дыши!  
А мир стоит, атак не понимая.  
В лесу об эту пору ни души.  
Пройдёт циклон, сменив свой гнев на милость,  
Вернётся к жизни мелкое зверье,  
что под сугробы в эти дни забилось.  
Война, борьба, мы втянуты в неё,  
и у природы нет альтернативы:  
у популяций цель всегда одна —  
продолжить род. Священной нет мотива.  
В природе все враги. Идёт война.

Идут снега, идут дожди, века проходят.  
Не умолкает времени прибой.  
Иные отроки рапсодии выводят,  
храня в крови безжалостное «в бой».





Луна мертва давно — ослепнувшее солнце.  
И наше выгорит когда-нибудь дотла.  
Но без пяти того последняя планета  
в отчаянном броске сорвётся с поводка.

Когда б не понимать значение утраты  
мгновений жизни, ёмкости ядра,  
перебирать беспечно чётки — дни и ночи,  
и не томить себя сравнениями с огнём,  
непрекращающимся, длящимся без дробы  
на единицу времени (стоп-кадра нет).  
Идущий «от» и «до» процесс распада,  
возможно, не имеет пункта «до».



О, да! Мои планетные рабы,  
жизнь продолжается, кочуйте по широтам  
и морщите от напряженья лбы,  
и прячьте смертоносное по гротам,  
по шахтам в недрах... Из других эпох  
перст не допустит дисбаланса в эко-  
системе ряда. Кто сказал, что Бог  
добра желает, устраняя эго?

Начался дождь. Как театральный грим  
песчаный город плавится потешно.  
У Арарата некто пилигрим  
перебирает камушки безгрешно  
и мысленно канючит как дитя  
над сломанной нечаянно игрушкой.  
Проходит вечность без календаря.  
Готовят новый грим Земле-старушке.



Я, конечно, не жду в этой жизни удачи.  
Жизнь сама по себе есть удача как миг.  
Избегаю в ночи дискомфортного плача,  
мне тревожнее женский с надрывами крик.  
Это бьётся душа о прибрежные скалы,  
голосит без ума, проклиная весь свет.  
Видно, то, чем жила, на клочки искромсала,  
и надежд никаких, да и сил больше нет.  
Я своё отстенал, мне больше не будет.  
Ночи снова мои, без оглядки на день.  
мне, живущему в снах, у кого-то отсудит  
солнце лишний часок; спи, сямская тень.



«Башня чёрного...» Эбеновые палочки.  
Отшлифованный любовью сон вождя.  
Пень тростника. Бамбук. Таяночки.  
Голубые молнии плашмя.  
Буруны, кипенье, каменные идола,  
полногрудоматовый прибой.  
Мраморные своды, смех Калигулы,  
гулкие шаги, мечи, конвой.  
Лай собак, пологий спуск, наручники.  
Ржанье лошадей, доспехов лязг...  
То блуждающей души моей попутчики.  
Я во сне во времени увяз.



О, как ей хочется любви,  
до испугленья, до удушья,  
чтоб ток кузнечиком в крови,  
чтоб до слезы свирель пастушья,  
чтоб мир летел до самых звёзд  
и падал в озеро безмолвья,  
и засыпал, как верный пёс,  
уткнувшись носом в изголовье.

О, как ей хочется шептать,  
слова любви не имут сраму,  
себя на части разорвать,  
поставить на уши казарму.  
О, как ей хочется любви,  
того, что в жизни не имеет.  
Она, как яхта на мели,  
а море — вот оно, синее,

играет бликами, зовёт  
и кружит потолок высокий.  
И вот несут в пакете лёд.  
Белеет парус одинокий  
и тает в море без стыда.  
Уняли жар, прикрыли шторы.  
Плывут цветы по коридору,  
«...С любовью». — Это не сюда.

\* \*  
\*

Пусть не будет случайной звезда,  
я случайным по жизни не верю.  
Есть своя у меня борозда,  
и не каждому выжить в ней зверю.  
Если что-то почую всерьёз,  
на мгновенье замру и привстану,  
и подамся навстречу без слёз.  
Меч звезды опрокинет в нирвану,  
проплывут облака подо мной,  
лица близких пройдут вереницей...  
Я сольюсь с неслучайной звездой  
всей душой, перелётною птицей.



Никогда себе не лги  
в битве и опале.  
Сокращают дни долги  
и неверность крали.  
Он и так недолог, срок,  
у судьбы в запасе  
на тебя не сто дорог,  
а одна; по трассе  
жми без жалости к себе:  
сердце чаще бьётся  
с благодарностью к судьбе.  
Смерть не промахнётся.

Не вернуться как Орфей,  
не воскреснуть в Ф. И. О.  
Слово если не трофей,  
то подарок Клио,  
капелька средь вечных льдов,  
кубик влаги пресной.  
Айсбергам твоих следов  
в море жизни тесно.  
Не спеши смотреть назад  
и не меть дорогу.  
Впереди и листопад,  
и беседы с Богом.



Пальцы к нераспечатанной пачке «LM»  
тянутся машинально с утра до полудня.  
Променад по проспекту на восемь км  
разбавляет давящие серостью будни.  
Нет попутчиков, сплетней кормящих свой зуд,  
нет иных, убивающих попросту время,  
кто года, как заслуженный возраст, несут,  
никого-никого перегноем не грея.  
Только пепел, по — Бродскому, помнит огонь.  
Эта старость как имидж дарована многим.  
Я сухую прикрою ладонью ладонь,  
чтоб не зябла, согрею движеньем робким.





В перезрелом лучше одному догнивать,  
без вниманья и обиды продолжаться,  
вид не портить, настроенье подрывать,  
современником для времени остаться,  
к худшему готовиться из снов, вечному,  
даже завтра может быть лишним в жизни.  
Что добавит этот миг грешному  
кроме боли, униженья, укоризны?  
Не склероз в вину, лепет старческий, —  
перебор шагов, не предсказуемых вчерне,  
от острот, щедрот лапидарчества,  
до похода в макдональдс-харчевню.

Вымирай, андеграундский недиалект,  
постсоветский не выкормыш, но отпрыск,  
просочившийся казусом в XXI век,  
демократии проблеск как пробрызг  
из скопления туч грозовых с горизонта,  
оказавшихся чайвшим лишь миражом  
всемогущей струи брендспойта,  
не оправданным временем куражом.  
Одному в любом деле сподручней,  
на канате в подлунном тандем обречён.  
Кодекс жизни как будто озвучен,  
казус смерти ещё не прочтён.



Эвона как выстудило сад к Покрову дню:  
яблочки на солнышке светятся насквозь.  
Изредка бываю здесь, сам считай что гость,  
угощу янтарными крылатую родню.

Под кустами искрится инеем трава,  
отсырели с запада дача и парник,  
у соседа бак с водою: занемог старик,  
и осталась на заборе жухлая ботва.

Словно ёж на лапочках, к небу выгнут лист,  
вислоухой яблоне к цирюльнику пора.  
Два гвоздя в калитку вбиты. Холод топора.  
В бард-кафе сегодня вечер юной Ани Плис.



Я дотянусь до новых юбилеев  
усталым взглядом, выдохом, строкой.  
С печальной улыбкой клад кощеев  
переломлю трясущейся рукой.  
Хлебнувший вдоволь в этой жизни пойла,  
ушедший в старость после сорока,  
без лоцмана по старице до поймы  
и — здравствуй, океан. Прощай, река.  
Всё позади. Судьба суха, как ветка.  
Всё в памяти. Густая кровь черна.  
Встречаю день в неясной роли предка,  
эквивалент — разбитая страна.  
Без суеты всё реже о насущном.  
Иной расклад, иные времена.  
Мне почему-то в этом мире душно,  
всё чётче отчуждения стена.  
Не мельтешить на энных перекрёстках,  
не создавать проблем летящим вдаль.  
Лишь у порога понимаешь, как непросто  
войти в надвременную вертикаль



Не вернётся, не надейся,  
счастье в ласковых руках.  
В резервации индейцы,  
и синицы в облаках.  
ни свободы, ни обмана,  
ни намёка, ни ключа.  
От надежды два банана,  
вместо вишен алыча.  
Смой гримасу летним ливнем,  
сердце в камень заточи,  
долгим-долгим, синим-синим  
небом боль свою лечи.  
Солнце высушит ожоги,  
оградит от новых стрел.  
Пусть тебе помогут Боги  
в жизни свой найти удел.

## МОИ ДРУЗЬЯ

Над рабочей тетрадью склоняясь, дымить сигаретой,  
отравляя своё книгобрюхое моножилё,  
не спеша проводить параллель от заката к рассвету,  
да косить воспаленно на разряженное ружьё.  
Мне по пальцам не счесть заоконных в судьбе  
перекрёстков,  
вариантов родства и фантазий на тему любви.  
Сбилось всё к одному: отмечаю не годы, а вёрстки.  
Потому лучший друг — малый пудель по кличке  
Шер Ви,  
мой ревнивый кобель, охраняющий кресло от Гоши,  
попугая морских темпераментных южных кровей.  
Три самца-бобыля, друг на друга мы чем-то похожи:  
в заточеньи никто задушевных не тронет друзей.



Сожги, огонь, мои года,  
историю мою,  
чужие страны, города,  
армейскую струю,  
откуда в двадцать первый век  
вошёл, не торопясь,  
на этих улицах и сленг  
другой и даже грязь.  
Я на обочине стою:  
водоворот сует  
не принимает жизнь мою.  
Сожги, огонь, мой след  
в истории моей страны,  
которой больше нет.  
Искомый угол кривизны  
воспринят был как бред.  
Остаток дней с судьбою сверь,  
ведь ты же не слепой,  
сожги печаль моих потерь,  
как сжёл и стыд и боль.  
А пепел так похож на прах —  
зола и есть зола.  
И кто из нас на небесах,  
и есть ли связь родства  
меж мною тем и этим мной?  
Различны времена.  
Сменился век, сменился строй.  
И чья теперь страна?  
О чём мне петь, кого любить  
здесь на исходе дня?  
Гнездовья нового не свить.  
Возьми, огонь, меня.

\* \*

\*

Боже мой, завидую ревнивым.  
Это ж надо так любить, чтоб в бой  
ринуться, сломя башку, блудливым  
якобы нарушенный покой  
не простить. Какая суматоха,  
словно честь и в самом деле есть.  
В каждой от рождения — Солоха,  
душу искушающая спесь.  
Как, однако, верят пенелопам.  
Помоги, Нептун, их кораблю.  
Заросли моих любовей тропы.  
Не ревную — значит, не люблю?



Не росы то, не слёзы, не дождинки —  
смола на ранке, сердца дробь и град.  
Идёт волна от самой серединки,  
и прошивает молнии разряд.  
Корёжит пальцы судорога. Стерва  
вытягивает жилы из меня.  
Мои давно распатанные нервы  
озвучивают эти кренделя.  
Трещит рубаха, пуговицы — в россыпь,  
и мелкой дрожью засыпает боль.  
Не слёзы, не дождинки и не росы,  
а пот и кровь — моя смола и соль.



\* \*

\*

Не звонить, не видеть, не желать.  
Ядовита. Как ожог крапивой.  
Не касаться и во сне не звать  
и вне сна, за явью, в незлобивой,  
но иной прострации. Забыть.  
Заблокировать извилинки, зачистить.  
Чтоб остался непонятный стыд.  
Но — со мною! — вздрог души на высвист.  
Это ужас. Это боль и ор,  
резь, гримаса, тик — как эхо боли,  
пальцев дрожь, седеющий вихор,  
рассыпающийся Капитолий,  
Апокалипсис без явных жертв,  
катарсис без выхода из клинча.  
Два вулкана без дымящих жерл.  
Две судьбы в преддверье линча.



А раб трясёт башкой, чуть придавлю,  
свободы просит, скованный пустыней,  
но терпит, ибо я его терплю,  
поскольку вскормлены одной рабыней.  
Ярмо не сбросить, сжечь — сойдёт с ума,  
его мозоль — путеводитель в завтра.  
Какая беспросветная зима,  
какая роль: слепой объект кадастра.  
Улов сомнений — призрачный улов.  
Вносящий свет рискует сам ослепнуть.  
Страшна стихия, ненадёжен кров.  
Судьба такая: унижаясь, крепнуть.



По ворсу босиком — как по песку.  
Непыльный люстры свет — мой щит от тени.  
Я жмусь к столу и щупаю тоску,  
под сердцем сжавшийся комочек лени.  
Рабочий стол загружен — ни вздохнуть,  
стребаю в кресло словари, блокноты.  
На полстрофы шажок — чтоб не спугнуть  
спускающуюся по нотам  
не мысль, но форму. Светится строка,  
играет гранями на перекатах слово  
и просится сорваться с языка  
и зазвучать, любви моей основа.  
А кто услышит? Это не вопрос.  
Мир жеребёнком тянется, как к хлебу,  
к моей ладони... Под ногами — ворс,  
иду босой и доверяю небу.



Сколько помню, стоит  
эта баня, сараи да стайки,  
и не рушится быт,  
не исчезли фуфайки.

Толстым слоем асфальт.  
Оседают заборы, домишки.  
Интернетовский сайт  
стал привычнее книжки.

Обозримы вполне  
изменения в жизненной сфере.  
На мажорной волне  
нелегко о потере

и неловко брюзжать  
старикю, потому и не буду.  
Пропасть как бы межа,  
и разврат равен блюду.

Только сердце шалит —  
это возраст, душа и обида.  
Перво-наперво быт,  
якорь жизни — корыто.

**ПУЛЬСАЦИЯ**

Когда-то был не столько глуп,  
сколь не умён...  
(При чём тут море?  
Но в мыслях-явно-волны и объём.)  
Вновь перечитываю тех, с кем был знаком:  
от классиков до истинных Имён,  
их слово и моих коснулось губ.

Не вижу цели: зреньем слаб  
иль слух не гожд.  
Игра со словом?  
Но, вероятно, их язык иной.  
Напрасно отыскать пытаюсь зной  
в страстях-пристрастьях к злу до невтерпёж:  
их мир — самодостаточный анклав.

Условно герметична боль  
и даже страх.  
Любовь не в радость?  
Их одиночество — не вопреки,  
а следствие смещения реки  
в иное русло. Молча Таи-Ах  
входящему его внушает роль

в пространстве гулком языка.  
Творца-поэта  
прими, Господь.  
Страна воздвигнет памятник ему  
когда-нибудь в каком-нибудь крыму,  
у Бога в энной части света,  
где мысль пульсирует века.



Я ещё не пришёл.  
Это тень моя ласковой птицей  
сеет ужас в рядах  
приискусства, привласстья, присссми.  
Но у нивы моей  
срок иной вызревать, колоситься,  
свой черёд  
всю-то плесень в овраги смести.

Я кружу над рекой,  
над родною Миасской долиной,  
ничего не прошу  
у сидящих по норам друзей.  
Мне враги отдадут  
неудачников с горькой годиною  
словно я Минотавр,  
а не мифом воспетый Тезей.

Раскую голоса,  
приглушённые розовой пеной,  
разбужу задремавших  
в стоячей воде — караси! —  
их, смирившихся,  
купленных с рынка изменой,  
обездоленных  
в едких объятых Руси.

18.09.06

---

Это будет не хор,  
а солистов очнувшихся пенье,  
их высокий полёт  
над озёрами и между скал.  
Станут песнями  
их неземные земные творенья,  
ибо Феникс — не птица,  
а народ, что из праха восстал.



То ли я опять простужен,  
то ли солнце ерундит:  
рябь внутри на мутной луже —  
маразматит эрудит.  
Где-то клинит, где-то вяжет —  
заплетаются слова.  
Шар чернеющий, как сажа,  
плавно делится на два  
антисолнца — чьи-то очи  
пристально за мной следят.  
Мир симметрии. Короче,  
сон есть встреча с анти-Я.  
Он живёт и так же дышит  
в унисон со мной. Привет!  
Поступь мы друг друга слышим,  
только диалога нет.  
Отчего же нам не спится,  
кто мешает нам прозреть  
и навек соединиться? —  
Две подруги — Жизнь и Смерть.  
Так прими мою, не медля,  
я с твоею обручусь.

Привыкаю жить без тела,  
ибо в тело не вернусь.



\* \*

\*

На исходе треклятого дня  
верить хочется, что не озябнет  
в не последней блокаде родня,  
сквозь слезу за отчизну дерябнет,  
вспомнит вскользь про раскол, мятежи,  
про на стыке столетий интригу,  
пережёванные рубежи,  
грабежи да восточное иго,  
что такую махину не смять,  
а душа не всегда потёмки,  
в три коленца и бога, и мать  
помянут этот день потомки.



Господи, как хочется подмышку  
у груди овала целовать.  
Не спешите примерять мне крышку,  
не уснуть ложусь, а переспать.

Но всё чаще трогает за ноги,  
сбоку, часто-часто, от стены,  
словно умыкнуть спешит, но Боги,  
то бишь дочери, растягивают сны

до прозрачности момента и взрывают  
переход, мне им не объяснить,  
как тонка невидимая нить  
этой жизни. Я и не скрываю,

что во сне над пропастью летаю,  
что душа моя эквилибрист.  
Я давно свою покинул стаю  
и кружу над миром, словно лист.



Жить в любви легко и просто.  
Вероятно. Я не жил.  
Ощущение сиротства.  
Тяжесть до разрыва жил.

Так уходят в лес подранки,  
сузив чёрные зрачки.  
Режу угол перебранки,  
зачехляя все смычки,

чтоб ни стона, ни проклятий,  
ни упрёка, ни стежка.  
Можно выжить без объятий,  
без любви, без корешка.

Одиночество — скорлупка,  
хрупкая на первый взгляд,  
обезжизненная губка,  
саблезубый шелкопряд.

Ни дыхания, ни пульса  
не означу, уходя.  
Не скули, душа, прессуйся  
твёрже пакового льда.

Нерастраченная нежность,  
невостребованный тыл.  
Жить в любви не безмятежно.  
Вероятно. Я не жил.



Какая всё же маленькая жизнь  
и мелкая: поешь, поспи, побегай.  
Не спится ночью? Выйди, освежись,  
поговори о наболевшем с Вегой.  
А утром снова долгу покорись,  
простым инстинктам тела потакай...  
А мысль куражится: живи, не торопись,  
Земля же терпит вас, не упрекая,  
и ты не выговаривай судьбе,  
ложись и спи, своё не мучай тело.  
По жребию жить выпало тебе,  
а сколько мимо этой доли пролетело.  
Твой микрокосм влюбляется, живёт,  
творит себе подобных и лелеет.  
Но беспокойный дух чего-то ждёт,  
томим грядущей эрой Водолея.

*Т.Р. Суслову*



Я иду. Слова ждут. Первомайка на цыпочках.  
Не дай бог перед залом опростоволоситься.  
Не стонал на извилистых бойких тропиночках,  
и у родины на глазах не споткнусь. Гнишь, околица,

пропуская на лобное не оратора —  
своего мужика. Радость в горле со спазмами,  
ибо школа для нас не была инкубатором:  
здесь учили любить эту родину с язвами.

Не абстрактна земля — с трудовыми мозолями.  
Интегралы заплат — не дамоклово пугало.  
Нас и Клио не жгла, ибо круто посолено  
было детство отцов, да и наше — не с куклами.

Но прошли, не прося у страны — не на паперти,  
пронесли и горды, что не все обыватели.  
Я спасибо за жизнь говорю своей матери,  
за науку поклоны — Вам, преподаватели.



...И выходя на люди где-то там,  
на Невском иль в московском Цэдээле,  
петь о любви к уральским городам,  
Миассу и Челябине, а на деле  
угадывать в себе второе Я  
и узнавать оборванные струны:  
какие, к чёрту, дальние края,  
я с головой готов зарыться в дюны,  
чтоб слышать волн неугомонный плеск,  
шептать вполголоса о перелётных птицах,  
о чуде под названием Эверест,  
о странах, о созвездьях, о столицах,  
об Атлантиде, Греции, боях,  
о пирамидах, Риме, о России,  
о том, что я родился в тех краях,  
но по ночам в морской купаюсь сини,  
что никогда не изменял мечте,  
не по моей вине нас разорвало.  
Волна уснула на моём плече:  
неблизкий путь до Южного Урала.



Сколько впустят в себя безболезненно строки?  
Всё менялось: страна, отношения, быт.  
Что грядущему наши сквозные уроки?  
Всё-то вывихи им. Укоряющий стыд.

Сколько было дорог, вариантов, сомнений.  
Но о чём говорить: суета там и здесь.  
Уступаю любви порожняк без волнений,  
понимая момента лукавую лесть.

Проходя день за днём по родному проспекту,  
вижу сколько ещё не залатанных дыр.  
Кто-то не долюбил шелестящую ветку,  
кто-то не оберёт этот маленький мир.

Не подумай, о дочь, что брюзгою под старость  
стал, как водится на безголосой Руси.  
Не забуду вовек плодотворную радость.  
Боли нет. Неба синь, путь домой ороси.

## НЕ КЕНТАВРЫ

Губошлёпы реализма,  
шамкающий с детства рот,  
псевдоизмы, пассы с клизмой,  
аромат наоборот.  
О, лит-ра, романы, пьесы,  
бутерброды, пицца, — жор,  
полудевы, полубесы,  
Люцифер а ля мажор.  
Краски, подиумы, залы,  
рукоплеск, оваций зной,  
геи, педики, вассалы,  
гумус, т.е. перегной.  
Гуманисты, филы, фобы,  
импотентный сухостой,  
у Пегаса ищут хобот,  
на Олимп за строем строй  
прут беззубые, им лавры  
не дают покоя здесь.  
Графоманы — не кентавры,  
а совсем иная смесь.





Отступила на шаг семимильный опушка.  
Дятел с дробью засел на засохшей сосне.  
Запропала родня, вековуха-кукушка.  
Кто подскажет теперь, сколь отмерено мне?

И не важно куда покатилась отчизна,  
устою враскоряк, не земля ж ходуном,  
устою, вашу мать, замечаю капризно,  
с бодуна и Сизиф был доволен бы дном.

Но свербит на душе, и не спится седому:  
сахарок не сластит и табак — не табак.  
Закатилась звезда, и Россия другому,  
золотому тельцу, отдалась за пятак.



Напрасно объяснять кому-то, даже внуку,  
что воздух — это мы, он плотен потому.  
А мы (обратный счёт) есть сон души по кругу,  
внушаемый творцом неявному уму.  
Отсюда жизнь есть сон, мы — призраки столетий,  
шныряем во плоти по био-поясам  
и думаем, что смерть бутонов и соцветий  
касается не нас, но мысленным слезам  
доверься, ибо здесь сокрыт сакральный смысл  
единства всех и вся, а истина — во сне.  
Но не расшифровать пока нам тайных писем.  
А мы ли адресат тех импульсов извне?

### КОНУС ЖИЗНИ

Не хочу о грядущей дороге,  
ибо — что там? — трава-мурава.  
Не хочу, заплетаются руки и ноги,  
заплетаются даже простые слова.  
Правый глаз режет свет, левый — тьма донимает,  
дождь по косточкам бьёт, солнце лёгкие жмёт,  
а таблетки бессонницу отнимают,  
отнимается всё: время тело жуёт,  
бледный череп лысеет,  
дрябнет щёк синева,  
старость волю имеет,  
смерть имеет права.  
Остаётся —  
трава —  
мурава.

## ЖЕРНОВА

Беспокойные дни недели.  
Обороты снижая, дышу.  
Пьют заезжие менестрели,  
я же, местный, не пью — пишу  
в облюбованном бардами гроте,  
в полумраке, среди картин,  
на крутом ледяном повороте  
жизнь снимаю, тверезый, один.

Как ломало их, безутешных,  
что трещал по швам любимый мир,  
но душа из ночей кромешных  
их вытаскивала за шкирку  
на свет, и звенело слово,  
и стонала с надрывом струна.  
Годы тренькают бестолково,  
мимо — веши, чужая страна.

Жестковата ладонь, без спору,  
и нутро — не простит обид.  
Обмани — за меня — свору,  
перебей — за меня — гнид.  
Для тебя это раз плюнуть...  
Подмигнул: «Но гитара жива!» —  
перебор — «не по совести, юноша,  
то твоей судьбы жернова».

**СУФЛЁР**

«Отрицая явление скорби» —  
ниоткуда, ко мне. Обо мне?  
«Перешёл Рубикон Горби»  
«Всё зависимо в этакой мгле».  
Значит, не было до и не надо.  
Не губи, заклинаю, не трожь.  
Верно, сходят с ума и до ада,  
не вина, что меня не сведёшь.  
Идиоты калечат — согласен.  
Хочешь каждого через пуп,  
пуповину, родню? Ты опасен.  
Цепь вендетта пойдёт. Пусть я глуп,  
но ислам заражён. Это вирус.  
О спасении через кровь,  
через гибель. Милёны минус.  
Это страх, это ложь — не любовь.  
Искушение, соблазн. Думай, думай.  
Проникай, проникайся, внимай.  
Не покайся, а — до... Что за «блукай»?  
Заблуждаться. Блудить. Где он, рай?  
Моисей. Следом басня про Ноя.  
Я — не Ной, и не ною, я жду.  
Ахинея. Уволь. Мезо — кто я?  
Это ж надо. И снова сожгут?  
Оскорблять — не от скорби, от мата.  
И не думал, поверь. Я не псих.  
«Отрицая...» опять. Муки ада.  
Семь кругов за один штрих.



А осень ближе.  
Глянь, листва плывёт туманом.  
Глянь с наших этажей — долина в «молоке».  
И где-то там спуют, паркуются в карманы  
машины, и мужей с любовью жёны ждут.

Качаются дома в безгрешной этой зыбке.  
Зависли над хребтом седые облака.  
Так гладит чадо мать с задумчивой улыбкой,  
и длань её легка, как божья благодать.

Паря над суетой, невольно замечаешь  
всю мелочность обид, никчёмность наших ссор,  
предательство друзей, и все грехи прощаешь  
под радугой в любви отпущенных нам дней.

До осени — рукой... Пора остановиться,  
поставить на крыло взъерошенных птенцов.  
О, неба глубина! Невидимую птицей  
душа покинет мир, в который влюблена.

### БЕССОНИЦА?

Видать, не суждено мне тихо плыть в печали  
открытого плеча, качаясь на груди,  
чтоб чаечки морщин меня не замечали,  
но упреждали зов «Не надо, не буди».  
Да это не мечта, не грусть, не врачеванье —  
неутолённое желание любви,  
по гавани тоска, мольба отчаянья,  
а может быть, обида. Не юли  
и брось завидовать и плакаться в жилетку,  
скупую полночь незаслуженно винить.  
А диспозиция проста: подкинь монетку...  
Есть жёстче выбор: барабан — рулетка.  
День ото дня слабей желанье изменить  
оконный переплёт... когда-нибудь разрушу.  
Пока ж стабилен клок зари над головой.  
Но по ночам тоска изматывает душу,  
и плачется она, и просится домой.



Скоро снова пойдут проливные дожди,  
мокрый зонт надоест, как тупая собака.  
На твоё осмотрительное «Не жги»  
оскорбится восьмой гордый знак зодиака,  
ненавистный, но только при чём же тут знак, —  
я опять на сезон беспричинно исчезну.  
Буду с бардами пить за бездомных собак,  
за себя и за них — честно.  
Буду клясться на бис, что туда не вернусь,  
буду пьяно читать гениальные вирши.  
Только — выпадет снег, я на Русь оглянусь  
и прощайте, мои пилигримши.  
По сугробам родным да по волчьей тропе,  
за верстою версту, не жалея одежды,  
на попутках по зимнику, по льду, а где  
через лес напрямки — до душистой копёшки.  
Доберусь-повинюсь, а душа — с подвенца —  
не придаст тем словам надлежащего пыла,  
ибо знает, что вновь уведёт подлеца,  
как уже не единожды было.



## БЕГСТВО

Пронесёт меня мимо пристани  
обессиленного борьбой.  
Безголосые за солистами  
с гиканьем и пальбой.

Уплыву я рекой безымянною,  
на песчаной косе отдышусь,  
молодою любуясь вакханкою,  
дерзких мыслей не устыжусь.

На багряном закате лиловою  
прошмыгну тенью ломаной в сквер.  
Повзрослевшие мальчишки кодкою  
облепили фонтан, как насест.

Всё равно что осина что липа им,  
но признали во мне своего.  
Что за мысли бредовые, липкие?  
Что за ярость? — аж скулы свело.

Сигарету рукою дрожащею  
вынимаю — они с огоньком.  
Вместе с болью сквозною разящею  
ненавижу себя — пень-пеньком.

Не смолкая звенит эхо отчества  
среди безжизненно острых скал.  
От махрового одиночества  
я пока не устал.



Жизнь хлебаю со всей мутью,  
пятернёю скребу по дну.  
Центр тяжести залит ртутью,  
донцу боль моя инородна.

Переброд, не губи воду,  
видишь, гномики на котурнах.  
В колумбарии нишу роду  
забронирую своей урной.

У реки не ищу места,  
отмахнусь от услуг Харона.  
От семи колен полтергейста  
сила энного скорпиона.

Не тягайся со мной, время,  
не скули о судьбе, слово.  
Дорогое моё племя —  
эпилог моего крова.



За никого выуживаю бред.  
Но торможу, когда крылатый мерин  
без седока бредёт за мною вслед  
и, по-всему, седлаться не намерен;  
прядёт ушами, бархат губ горяч,  
не прячет глаз, но плоть мою не видит.  
Невероятно, но один из нас не зряч.  
Я не Гомер, но м. б. Овидий,  
а чей — ослеп, а чей — введён в сенат,  
а скольких изваяли в камне, в бронзе,  
но очевидно: ты есть экспонат  
мустанга, тяготеющего к прозе,  
а крылья — бутафория, обман,  
и чья-то роль тебе вдвойне обидна.  
Свободен, Конь! Не угоди в капкан:  
рать беллетристов не фригидна.  
Свободен, Конь! Дай бог тебе узреть  
зарю в полнеба белогривой масти.  
Но и моя крылатой! будет смерть,  
мы встретимся на эшафоте страсти.

## АВГУСТ

Вот и первая прядь золотая.  
Сквозь редющую листву  
солнце смотрит на мир, не мигая.  
Чую дух грибной за версту:  
под двухлетней, как минимум, прелью  
груздь сырой в бахrome и слезах.  
От соблазна уйду акварелью  
приатлянских разрезов. В лесах  
покружу по бесчисленным ерикам,  
безымянным на картах ручьям,  
пожелаю здоровья соперникам  
и миассцам, и тургоячам.  
Фляжку доброй живой родниковой  
принесу на закате домой,  
где из зеркала белоголовый  
мне устало кивнёт домовой.



Постель — не повод для знакомства.  
Кто ты — кто я? — об эту пору  
ты фору — мрамору, фарфору,  
Годену..., ибо превосходство  
тепла над льдом неоспоримо,  
динамика сильнее искусства.  
В любом сравнении тень Прокруста,  
не разрушай иллюзий Грина,  
пари инкогнито над миром,  
лови гармонии блаженство,  
вливайся каплей совершенства  
в сиюминутного кумира,  
переполняйся, задыхайся,  
дрожи упругой тетивой,  
стань солнцем, огненной тьмой,  
ослепни вмиг... и возвращайся.  
Теки, журчи, освобождайся  
от плена рук и глаз, и слов.  
Ты — безымянная любовь,  
молчи, усни — не представляйся.



Не бойсь, Ангел, сил еще полон,  
не зальюсь лаем.  
Сторонюсь всех. Не кружи, ворон,  
упадёшь камнем.  
То не день лютый длань мою сводит —  
холодок рая.  
И не гном будто по пятам ходит,  
а метель злая.  
Подберу посох, ибо путь долог,  
не возьму хлеба.  
Обойду норы, отыщу полог  
голубей неба.  
И вздохну густо, и кивну молча,  
и вернусь тихо  
на круги эти, где сильна порча  
и свистит Лихо.

## СПЯЩИЙ ВУЛКАН

Я по чуть-чуть себя, как голубям —  
любимой, детям, логосу, б...  
Перекантуюсь в облике любом,  
укладу жизни изменив тайком.  
Провинциальной школы горек дым,  
не намекаю музам на интим.  
Я копий не ломаю, не мечу  
икру и молний, скромно день влачу.  
Соизмеряя ночи и года,  
тоскую о минувшем иногда,  
но грусть свою под латами храню,  
не доверяя солнечному дню.  
А станет зябко, выбираю том  
и обливаю душу кипятком,  
звоною, ошпаренный, во все колокола:  
«Жива Россия, боль моя, жива!»  
Гудит, не умолкая мой набат,  
и эхо множит: виноваты, виноват...  
Не по чуть-чуть раздай себя, — сполна,  
чтоб свежей крови мощная волна  
смела всю накипь с обнажённых ран.  
Очнись, Россия! Пробудись, вулкан.



Считай, никто взамен  
ни слёз любви по курсу,  
ни строчки на шампур,  
ни обнажённых рук.  
Греби и жди броска,  
когда начнут вприкуску,  
смакуя на лету,  
что ни подашь на круг.  
Туман, как эхо тьмы,  
и луч, и речь глотает;  
на ощупь и ползком,  
привычкам изменя,  
и первый блин как шар  
раскачивает стая,  
вытягивая гроздь  
кавычек из меня.







96 из 100 —  
не поверишь, что в обнимку  
под одной шуршащей кожей.  
Я уже стою в прихожей,  
перекатывая льдинку.

96 из 100 —  
не поймёшь, откуда холод,  
поперхнёшься обречённо  
то ли шуткой то ли чёрной  
к полу бабочкой приколот.

В состояньи перехода  
удивительно проста  
вся динамика момента.  
Невесомость вне акцента —  
96 из 100.

Память тонет, память тает.  
Расстаёмся без стыда  
с этой жизнью у порога.  
Не надеешься на Бога —  
96 из 100.

## ДОЖДЬ

По частоте ударов капель за окном  
сужу об интенсивности дождя.  
Гулять с тобою под одним зонтом,  
шурша плащом и локотком шустря,  
и слушать нечто о гастролях звёзд,  
и благодарно голосу внимать,  
и понимать, что это не всерьёз,  
что счастье под зонтом не удержать.  
А дождь всё тише, дождь едва-едва,  
инерция его близка к нулю.  
И обнажённость наша такова,  
что невозможно не сказать «люблю».



*Возможно, я те самые P. S.,  
всплывающие в тексте после текста.*

Так после жизни (смерти) он воскрес  
инициалами на яйцах после стресса,  
кончины, комы... Плащаница — вот вещдок  
того, что Иисус не небылица.  
Но стоит ли две тыщи гоношиться,  
печь куличи и красить яйца впрок?  
Ученье живо, благороден дух.  
Не отрицай, а следуй постулатам,  
смотри с обочины на немощных старух,  
не исключай возможность быть распятым  
власть предержащими. На острие иглы  
не смерть, а отречение, держат воды  
бесплотную иллюзию свободы,  
а идолы бронируют углы  
традиционно красные в домах,  
но не спасают от растленья душу,  
в их чёрных проницательных глазах  
и проникающих в меня я чую стужу.  
Всплывают детства страшные слова:  
«Побойся Бога!», «Боженька накажет!»  
И верил я, что Он всегда на страже,  
и от проделок маялся сперва.  
Но не был предан.  
Бог молчал как Бог.  
Его не слышали, его боялись.  
О чём, о ком его последний вздох?

23.04.06

---

Мы, независимо от веры, состоялись  
и также независимо умрём,  
оставив тексты, чад, ячейку в улье.

**P. S.** Ведомы ль мы в своём безумье,  
Историю Земли стирая день за днём?

## ОСТРОВА

Стонал апрель. Не за горами пасха.  
 Тень одиночества, я ею дорожу.  
 Как прозаична праздничная пасва.  
 Кому же я, по совести, служу?  
 Любви не поддаюсь, остра заноза,  
 а будущее, может быть, и жаль.  
 Как бы случайны весточки доноса.  
 Пропало лето. Солнце, жарь — не жарь, —  
 до осени остались только ночи,  
 а дни в плену у бесконечных дел.  
 Я доживаю жизнь. Годы летят, а впрочем,  
 много я как будто не хотел.



Стонал апрель: не за горами пасха,  
 а вербы в снежной слякоти ни-ни.  
 Мелькало солнце в тучах, как подсказка,  
 как пирсинг тропика, лежащего в тени.  
 Сентиментально спаривались птицы,  
 не то что наши верные друзья.  
 Всплыла тоска по северной столице,  
 невозмутимо пальчиком грозя.  
 И памятуя о безрыбье всеу,  
 свалю на день-другой в богемный чад  
 внимать речам пустым, не протестуя,  
 и врать безбожно, что безмерно рад.



*Тень одиночества, я ею дорожу.*  
Не трогайте меня, когда я сплю.  
Я, может быть, кого-нибудь люблю,  
когда, как лист, в беспамятстве дрожу.  
Не проиграю, если замолчу,  
не буду счастлив, возвратившись к вам,  
не доверяю пламенным словам  
того, с кем выпало идти плечом к плечу  
не мыслями — сердцами в унисон.  
Вне протокола, жизнь без слова — рай.  
Я в свой черёд покину этот край,  
сменив его осознанно на сон.



*Как прозаична праздничная паства,*  
идущая на якобы контакт.  
О сколько грешников, надеющихся завтра  
проснуться чистыми, но совесть напрокат  
не отпускает пастырь, лживо слово,  
и покаянье лживо, ложь за ложь.  
Гудят колокола, мычит корова.  
Россию в веру словом не вернёшь.  
Служенье Богу — чистое искусство.  
Открой псалтырь, зачитанный до дыр,  
и разбежавшись в мыслях до безумства,  
наткнёшься тут же на реальный мир.



*Кому же я, по совести, служу:*  
женщине, отечеству, Союзу,  
безликому убогому бомжу,  
семье, литературе, слову?  
Музу  
я посветил в сомнения свои.  
Разделить под орех меня не просто.

Но мыслий разноцветные слои  
качнулись радугой над тьмой погоста.  
Когда из песни слов, хоть и просты,  
как цвет из радуги, не выкинешь. Основа —  
служенье Муз не терпит суеты,  
корпи, поэт, и отзовётся слово.

✱

*Любви не поддаюсь. Остра заноза,  
заденешь — колко бьёт: не те года.  
Мне по душе душистая мимоза,  
а покупаю розы. Колгота  
мне одинаково противна у киоска,  
у банкомата... Денег не храню.  
Я не сравню любимую с Милосской  
и с Нефертити тоже не сравню.  
Я вообще со словом осторожен,  
как бумеранг, оно вернётся вновь,  
и выйдет, как всегда, себе дороже.  
Я помолчу — открыто про любовь.*

✱

*А будущее, может быть, и жаль  
транжирить на семейные развязки.  
Из всех немислимых углов я вижу шаль,  
халат и тапочки... Голосовые связки  
поберегу. Беззвучный диалог  
красноречивее, как правило, догадок.  
Не опошляй высокопарный слог.  
Усугуби винцом любви осадок  
и молча досмотри ночной сеанс,  
и молча пожелай спокойной ночи.  
Надеюсь втайне, это не про нас.  
О будущем, опять же, между строчек.*





*Как бы случайны весточки доноса  
от анонимов на твоём столе.  
И как ни унизительны вопросы  
(тем более, что ты навеселе),  
но отвечать приходится. Обидно,  
что вычислить, куда уходит нить,  
немыслимо, по логике — не стыдно,  
но объяснить непросто чью-то прыть  
внести раскол, поймать кого-то в сети  
и предъявлять безумные права,  
вести досье, копаться в интернете  
и шантажировать. О, подлые слова.*



*Пропало лето, солнце, жарь — не жарь.  
Усну под вентиляционной шахтой  
в метро на Пушкинской, ночью вахтой  
я буду выдворен на бледно-серый шар,  
где ни души знакомой и ни звёзд  
в уснувших водах энного канала.  
Душа надеялась, надежда остывала.  
Друг в эмиграции. Израиль. Тыща вёрст.  
На Чёрной Речке в сквере ни скамьи,  
звонят трамваи, дремлют букинисты,  
на Мойке буднично спуют туристы.  
Я где-то здесь — без друга, без семьи.*



*До осени остались только ночи,  
забитые тобой и писаниной.  
Астрологи — ха-ха — уже пророчат  
нам сложности в борьбе необъяснимой.  
Для остроты в шезлонге на балконе  
мы раскачаем бледные созвездья*

и будем кое-что гасить в «Короне»,  
чего твоя не примет на спор бездна.  
Когда под утро ты исчезнешь в недрах  
кровати-комнаты, я встану на колени  
и запишу на шелковистых бедрах  
слова любви и прочей дребедени.

\*

*А дни в плену у бесконечных дел,*  
но где б я ни был, о тебе — пробел —  
и только о тебе слагаю строки.  
Берусь оспорить, что не все дороги  
ведут нас в Рим. На карте город N,  
без дон-жуанских мелочных измен  
ему я верен, родина сурова,  
но чует боль и, верю, слышит слово,  
к ней обращённое из глубины души.  
Я у подножия твоих вершин  
касаюсь скал, моё возьми тепло,  
мне в этой жизни, право, повезло.

\*

*Я доживаю жизнь. Года летят, а впрочем,*  
я сам лечу, не спрашивай — куда,  
конечный пункт имеют поезда,  
а наша цель проста, и путь короче.  
Утихли страсти, улеглась обида,  
дорогу пробивают родники.  
Мы отслужившие материки,  
уходим в мир иной, как Атлантида.  
Соизмеримы сроки и утраты,  
по сути, наши души — острова.  
Но это всё слова, слова, слова.  
Закономерна жизнь моя в квадрате.



*Иного я как будто не хотел  
и по наитию судьбу чеканил.  
Оценивая трезво свой предел,  
не на медведя шёл, а за чирками.  
Тянулся к птицам, рыбам и котам,  
невзрачным, уязвимым, но свободным.  
Я на плоту из песен всем флотам  
дам фору и в любую непогоду,  
как Ной — вернусь... под эти небеса  
в последний раз, в последний раз-как в первый,  
и зацветут апрельские леса,  
и родина проснётся с вербой.*

*Памяти В.М. Карамышева*



Не тает снег.  
Апрель, сжигая минус,  
от плюса — в зеркало нуля.  
А ночь ясна.  
Кристаллы звёзд,  
предпочитая синус  
котангенсу условного угла  
смотрящего  
на них с земли,  
блестят, не чуя Солнца.  
Ни ты, Максимыч, и ни я  
(тем более)  
не вспомним дня,  
когда качнулась бронза  
навстречу граням бытия.  
Замкнулся круг  
петлёю сна.  
Сирень вскипела в мае,  
запахла сыростью земля  
и прелью — ночь,  
и вознеслась  
душа над рощей, обмирая,  
и с первой трелью соловья  
проснулась дочь.

\* \*

\*

Время то ли щадит,  
то ли гонит в тупик беспощадно?  
Бронепоезд чадит,  
поглощая наживку жадно.  
Разбирая пути  
и сжигая мосты возвращенья,  
мы пытаемся обойти  
вероятность сближенья.  
Ситуация такова,  
что взаимная близорукость  
до курьёза права.  
Отчуждённость упругость  
ощущается мной  
поразительно вятно,  
холодок за спиной  
подгоняет бестактно,  
вытесняет за круг:  
уважай муравейник.  
Я не враг и не друг —  
времени пленник.



Кто-то из трёх да примет,  
кого-то из трёх да приму.  
Корни и крона зримы  
необозримому.

Участью Лира вскормлен,  
слабо надеюсь на  
генную силу зёрен  
в зыбком преддверье сна.

Пенью стрелы подобен,  
эхом не дорожу.  
С ветром свободы вровень  
птицею — к миражу.

Где Рубикон? — не помню,  
видимо, позади.  
Крона пустила корни  
собственные. Не жди

тени в разгаре лета,  
корочки дармовой,  
влаги росы рассвета,  
злата над головой.



Краплёной карты лик.  
Не помощи жду — удачи.  
Подбросит и грузовик.  
Взлететь! без плеча подачи.

Данные в подсознании.  
Логика — опыт лет.  
Сложности в созерцании  
следа, которого нет.

Тают минуты вечности,  
рвётся за нитью нить.  
Сумерки бесконечности  
ужасом не пронзить.

Карты краплёной магия,  
искушения ангельский бес.  
То ли фобия, то ли мания,  
то ли психогенез.

Проигрыш не во времени —  
в поступи. Я не жду  
помощи. Без сомнения  
карту краплёную жгу.

## НОВОАНДРЕЕВКА

И всё не то и как-то однобоко.  
Устал от каламбура и «воды».  
Без свежей крови не найти порога,  
без новых слёз не выудить беды.

Затянутую льдом не переправу —  
дорогу жизни — снегом замело.  
А мартовское солнце светит браво  
и плавится в его лучах село.  
Жизнь за окном течёт неторопливо,  
мелка в уюте, хлопотах, молве.  
Быть может, в этом русле и крапива  
к босым ногам приветлива вполне.  
У новой школы строгая аллея,  
автобус атакует детвора.  
Когда-нибудь вернусь и пожалею,  
что не имею своего двора.





Не хватает солнца. Я не мёрзну,  
но без неба жизненная клеть  
угнетает. Усмехаясь, звёзды  
обещали иск мой рассмотреть.

Не хватает простоты по будням:  
нарываешься на гонор тут и там.  
На своём стоять совсем не трудно —  
скучно, намекаю я богам.

Не хватает времени, свободы,  
денег, чтобы книги прикупать.  
Отнимают всё мои работы.  
Говорят, своя не тянет кладь.

Отчего судьба не благосклонна? —  
вопрошаю, глядя в зеркала.  
В органайзере от матери иконка,  
что хранит от зависти и зла.



Город. (Напрасно поставил точку)  
Выучен, как букварь,  
неинтересен, как почка,  
живородящая тварь.  
Микробами переполнен,  
я тоже его микроб,  
по-своему бесподобен  
со-кровищами трущоб.

Вьюга. Лиловый вечер.  
В общем, февральский дизайн.  
Снег меня не излечит,  
сколько не отрезай  
память от этих улиц,  
взгляд от убогих изб.  
С дымом казацких кузниц  
и молоком кобылиц

впитан мной дух свободы —  
я потому бунтарь.  
Болью простого народа  
перенасыщен словарь.  
Город, любимый город,  
мой ненадёжный тыл,  
чем же ты так мне дорог?  
Холмиками могил.



Не губи желтокрылых синиц,  
не корми терпким яблоком с дерева.  
Острозубая стая лисиц  
обойдёт обессиленных слева  
или справа, и хрустнет перо,  
и листва не поймёт униженья.  
Косметически зло под добро,  
плен не плен — холодок окруженья.  
До успеха — года. Седина —  
память травли, потерь и падений,  
постигаемая глубина  
выживания поколений.  
По осеннему саду пройдуь.  
Ничего в этой жизни не надо.  
Замурую бесплодную грусть  
в недоступном для беглого взгляда.  
Опадает листва день за днём.  
По дороге позёмка змеится.  
Не прикармливай славой синицу,  
не губи душу адским огнём.

✱   ✱  
✱

Сокрушительный взмах.  
Поцелуй навывлет.  
В обожжённых глазах  
городишко стынет.  
То ли искры блещут,  
то ли льдинки играют.  
Это Демона стяг —  
над куполом рая.  
Тишину пригвоздив  
острым взглядом сфинкса,  
он молчит, опустив  
крылья в воды Стикса.



Пересекая облачность, звезда  
мягко притормаживает, взла-  
мывая собственный жилет,  
и стораает, оставляя след  
в памяти идущих не за ней,  
а в иные пастбища теней.

Слышишь свист? На миг остановись.  
Сердце, раскаляясь, рвётся ввысь.  
Ты сейчас исчезнешь как звезда,  
лопнут рёбра твоего гнезда.  
Обомлев от яркости брони,  
кто-то ляпнет «Боже, сохрани».

Но Земля с орбиты не сойдет,  
облегчённо, может быть, вздохнёт.  
Если честно, ей давно пора  
отдохнуть от моего пера.  
На земле незаменимых нет —  
вспомните, идущие не в след.



Неверующий Бог, он сам себе не верит,  
поскольку Человек себя не видит в нём.  
Иуде всегда приоткрывает двери.  
Пойми его — зачем заигрывать с огнём?  
Телепортж сведя к обычной мене мнений,  
отчитывая в пух и прах не возводя,  
в азарте потирал он руки и колени,  
внимание — на круг, и солнышком слепя.  
Апостолы в дрему, Иудушка на страже,  
вечеря затяну — вина и хлеба вдоль.  
Ан все по одному, едино и укаже,  
мол, каждый всяк свою распознаёт юдоль.  
Искарот сомлел, подвох не чую, чую —  
от мысли — тело в дрожь, и холод по спине,  
как будто кто клинок, и шепоток, врачуя  
заблудшую не то, увещевал во сне.

Пилату невдомёк, не то что прихлебаям.  
«За тридцать серебром — Его ли жизни нить?  
Удача иль беда? Чей замысел играем?  
История, прости». И обронил:  
— Казнить.



Нет сильнее досады, чем эта.  
Я люблю фильмы с грустным концом.  
Потому что, когда всё потеряно, жду ответа,  
повседневное одиночество разбавляя винцом.

Заблудившись во сне в незнакомом отеле,  
я опаздывал, зная — меня где-то ждут.  
Лабиринт хохотал, и жрецы осмелели,  
узурпировав власть, воскурив мой кунжут.

Проплывающие снежинки. Коченеющие запястья.  
Длись, щемящее ожидание, до беды.  
Поседевшая Магдалина, свихнувшаяся от счастья,  
готовит ложе бессмертья из твёрдой воды.

Жернова историй. Желчь отчаянья.  
Капли яда. Источник душевных мук.  
Жертвы времени. Не случайны  
возвращения наши в круг.



Я полюбовно эту канитель  
хотел бы кончить, но с любовью туго.  
Не намекая честно на постель,  
я фамильярно жизнь зову подругой.  
Вынашивая планы тет-а-тет,  
киваю на промозглые денёчки,  
в тени иль свете оных, как поэт,  
не написал неповторимой строчки.  
Не натянуть мне тетивы родной реки,  
не выпустить стрелы амура в горы.  
Я не копил, как скопидом, грехи,  
однако разгребаю ворох добрый  
ошибок, что хранит моя печаль  
(ночное бденье обостряет память),  
и лунная на пустоте печать  
приструнивает дар — не горлопанить!  
У каждого из нас своя судьба,  
и не скули, что тетива упруга.  
Потребность погружать себя в себя  
превыше сил, хотя с любовью туго.





Любовь сужается в детях.  
Мандарин расщеплён на дольки,  
каждая — источник света.  
От корки — одни осколки,  
закроешь глаза — запах  
юга, юности, сада...  
От фотографий старых  
в душе сквознячок вокзала:  
не хочешь ехать, а надо.  
Мобильник — трель с того света.  
Кто-то вздыхает рядом.  
То ли Она, то ли дети.



Вероятно, я не отстану,  
но твоя вероятность важней.  
Торможенье внутри страшной  
для воинственного тирана:  
Сила топчет саму себя,  
как толпа в ограниченном блюде,  
погибают бессмысленно люди,  
чьи-то цели к нулю сводя.  
Мы пока ещё на плаву.  
Кто ведущий, а кто ведомый?  
Ты безбрежная, я бездомный.  
Ни пиарю, кормя молву.  
Сколь же призрачен миг прозренья,  
пульс надежды ловлю едва.  
Чем беспомощнее слова,  
тем весомей волна презренья.  
Где-то треснет кора земли,  
и на берег пойдёт цунами.  
Что же будет со всеми нами  
через год, через два, через три?..

## ТВОРЯЩИЙ В СНАХ

Творящий в снах  
свою теряет твердь.  
Враждебность сна, прикрытая виденьем,  
неочевидна. Спящий примет смерть  
с неведомым для разума смиреньем.

Библиотека подпускает сны  
и шелестит, заигрывая с небом,  
поскольку спящие как ангелы чисты  
и в облаках купаются при этом.

Невероятная капризность языка  
неосвязаемо минует ось рассудка.  
Часы песочные без порции песка —  
утратившая явный смысл скорлупка.

Прозрачность всех задуманных миров,  
царящих здесь без хаоса, — бесполо,  
как пламя заколдованных костров,  
сжигающее в снах значенье слова.



Свобода неделима.  
В записных  
крою свой день маршрутами пресветлый.  
Я, с точки зренья особой земных,  
всю жизнь в бегах, но не от слова «беглый».  
Свобода неделима, и везде  
успею в соответствии с раскладом.  
Сочувствуйте, но — белке в колесе,  
а страннику сочувствия не надо.  
Пусть кто-то недоволен мной, а то:  
опять не заглянул на рюмку чая.  
Свободу мне разменивать на сто,  
когда подчас и на пиру скупаю?  
Быть может, и не светит ничего  
мне в этом мире, вспоротом на время,  
но я ласкаю лунное чело,  
скупыми строками свою свободу грея.  
Уснуть и выспаться до солнечных лучей.  
Но я боюсь, что мне не хватит света,  
как не хватает темноты ночей  
для полного раскаянья. Не спета  
дарованная кем-то горечь дня,  
а чаша состраданья неделима,  
и потому горит моя ступня.  
Свобода выбора есть участь пилигрима.

✱            ✱

✱

Кто кому — испытание,  
ниспосланное Всевышним?  
Постоянное состояние  
мнимой близости — лишней.  
Недоверия зёрна  
обернулись слезами,  
и солью  
пересыпана юность вздорная,  
и насыщена старость болью.  
Отторжением озабочены,  
не слиянием, — что лукавить.  
Скоро вытянусь у обочины  
коронованный облаками.



Вокзалы — крыша без души,  
сквозняк в глазницах.  
Не Родина, а родинки в глуши,  
и поездам не ведомы границы.  
Стучат колеса, время шелестит,  
пересекаю день и ночь на запад,  
и кто-то параллельным курсом спит,  
мой преодолевая запах.  
Сны, как стаканы тонкие, звенят,  
кузнечики стрекочут в изголовье.  
Провинциально-кровный азиат,  
над знойными полями Подмосковья  
парю, охваченный восторгом и тоской,  
неведомой доселе ностальгией,  
как будто лунной ночью над рекой  
уже прощался я с убогою Россией.  
Вокзалы — суета сует,  
разноязычье, гомон.  
Не безымянный с неба свет —  
связь с колыбелью, с домом.



Я не останавливаю время,  
замораживая сюжет.  
Сердце не голосит, а ёжится.  
Пусть обходит меня тень моя.  
Рикошет,  
трёхсезонный рубеж пройдя,  
хитрой рожице  
нанесёт небольшой урон,  
даже всё как есть отняв — до земли.  
Не с плеча рублю ту головушку.  
Мне, без малого, и тыщонки дней взаимы  
хватит, чтобы окрепли пёрышки  
сброшенных осенью в круговерть  
двадцать первого века птах.  
Коли есть вина — не отмолишься.  
Потому и не гложет раскаянье  
или животный страх.  
Сердце глупое, что же ты ёжишься?



Безумный август.  
Звездопады и дожди.  
Туманами настояны покосы.  
Речные заводи — цветные витражи.  
Оплавленные зноем кроны сосен.

Тишайшая предутренняя мгла.  
Ночь на исходе, на исходе лето.  
Вплетаю запахи таежного угла  
в мелодию неспетого куплета.

Стекают в память медленно часы.  
Беспочвенную грусть не примет небо,  
противясь штампу бледной полосы  
над этим миром, где я — точно — не был.





## СОДЕРЖАНИЕ

«Не трепыхайся. Не назло судьбе, а вопреки...» .....	5
«Раскрой себя на ... и начни со второго...» .....	6
«То ли вольная вода с ледяною крошкой...» .....	7
«Банальность обозримого проста...» .....	8
«Я выберу тебя...» .....	9
«Не уходи, не вынимай занозу...» .....	10
«По небу шарю, словно кто-то ждёт...» .....	11
«Не гони. “Ниоткуда” не падает с неба...» .....	12
«Этот сон прозреет мной...» .....	13
«Мой старый пёс скулит в прихожей...» .....	17
«Декабрист не цветёт, а декабрь на исходе...» .....	18
«От простуды до аборта...» .....	19
«От женщины — тоска...» .....	20
«День за днём — в колею, в суету, в перебранки...» .....	21
«Издалека, не замечай каприза...» .....	22
«Душе уже не хочется в постель...» .....	23
«Как-то не по себе на заросшем травую погосте...» .....	24
«Мороз за ворот лезет, донимая...» .....	25
«Луна мертва давно — ослепнувшее солнце...» .....	26
«О, да! Мои планетные рабы...» .....	27
«Я, конечно, не жду в этой жизни удачи...» .....	28
«“Башня чёрного...” Эбеновые палочки...» .....	29
«О, как ей хочется любви...» .....	30
«Пусть не будет случайной звезда...» .....	31
«Никогда себе не лги...» .....	32
«Пальцы к нераспечатанной пачке “LM”...» .....	33
«В перезрелом лучше одному догнивать...» .....	34
«Эвона как выстудило сад к Покрову дню...» .....	35

---

«Я дотянусь до новых юбилеев...» .....	36
«Не вернётся, не надейся...» .....	37
<b>МОИ ДРУЗЬЯ</b> .....	38
«Сожги, огонь, мои года...» .....	39
«Боже мой, завидую ревнивым...» .....	40
«Не росы то, не слёзы, не дождевики...» .....	41
«Не звонить, не видеть, не желать...» .....	42
«А раб трясёт башкой, чуть придавлю...» .....	43
«По ворсу босиком — как по песку...» .....	44
«Сколько помню, стоит...» .....	45
<b>ПУЛЬСАЦИЯ</b> .....	46
«Я ещё не пришёл...» .....	47
«То ли я опять простужен...» .....	49
«На исходе трекового дня...» .....	50
«Господи, как хочется подмышку...» .....	51
«Жить в любви легко и просто...» .....	52
«Какая всё же маленькая жизнь...» .....	53
«Я иду. Слова ждут. Первомайка на цыпочках...» .....	54
«...И выходя на люди где-то там...» .....	55
«Сколько впустят в себя безболезненно строки?» .....	56
<b>НЕ КЕНТАВРЫ</b> .....	57
«Отступила на шаг семимильный опушка...» .....	58
«Напрасно объяснять кому-то, даже внуку...» .....	59
<b>КОНУС ЖИЗНИ</b> .....	60
<b>ЖЕРНОВА</b> .....	61
<b>СУФЛЁР</b> .....	62
«А осень ближе...» .....	63
<b>БЕССОНИЦА?</b> .....	64
«Скоро снова пойдут проливные дожди...» .....	65
<b>БЕГСТВО</b> .....	66
«Жизнь хлебаю со всей мутью...» .....	67
«За никого выуживаю бред...» .....	68
<b>АВГУСТ</b> .....	69
«Постель — не повод для знакомства...» .....	70
«Не бойсь, Ангел, сил еще полон...» .....	71
<b>СПЯЩИЙ ВУЛКАН</b> .....	72

---

«Считай, никто взамен...» .....	73
«Не блокнот, а журнал черновой мой соперник...» ...	74
«96 из 100...» .....	75
<b>ДОЖДЬ</b> .....	76
«Так после жизни (смерти) он воскрес...» .....	77
<b>ОСТРОВА</b> .....	79
«Стонал апрель: не за горами пасха...» .....	79
«Тень одиночества, я ею дорожу...» .....	80
«Как прозаична праздничная паства...» .....	80
«Кому же я, по совести, служу...» .....	80
«Любви не поддаюсь. Остра заноза...» .....	81
«А будущее, может быть, и жаль...» .....	81
«Как бы случайны весточки доноса...» .....	82
«Пропало лето, солнце, жарь-не жарь...» .....	82
«До осени остались только ночи...» .....	82
«А дни в плену у бесконечных дел...» .....	83
«Я доживаю жизнь. Года летят, а впрочем...» .....	83
«Иного я как будто не хотел...» .....	84
«Не тает снег...» .....	85
«Время то ли щадит...» .....	86
«Кто-то из трёх да примет...» .....	87
«Краплёной карты лик...» .....	88
<b>НОВОАНДРЕЕВКА</b> .....	89
«Не хватает солнца. Я не мёрзну...» .....	90
«Город. (Напрасно поставил точку)...» .....	91
«Не губи желтокрылых синиц...» .....	92
«Сокрушительный взмах...» .....	93
«Пересекая облачность, звезда...» .....	94
«Неверующий Бог, он сам себе не верит...» .....	95
«Нет сильнее досады, чем эта...» .....	96
«Я полюбовно эту канитель...» .....	97
«Любовь сужается в детях...» .....	98
«Вероятно, я не отстану...» .....	99
<b>ТВОРЯЩИЙ В СНАХ</b> .....	100

---

«Свобода неделима...» .....	101
«Кто кому — испытание...» .....	102
«Вокзалы — крыша без души...» .....	103
«Я не останавливаю время...» .....	104
«Безумный август...» .....	105

**Петров Александр Павлович**  
**ОБРАТНЫЙ СЧЕТ**  
Стихотворения

Верстка *В.Б. Феркель*

Сдано в набор 19.02.07 г.  
Подписано в печать 2.03.07 г.  
Формат 84×90<sub>/32</sub>.  
Гарнитура «Палатино Линотайп».  
Усл.-печ.л. 4,86.  
Заказ № 28  
Тираж 300 экз.

Издательство «Цицеро».  
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии ООО «Тираж Сервис».  
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.

---